

Приветствие¹

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Дорогие друзья, сегодня, несмотря на пасмурную погоду, один из самых светлых дней вашей жизни. Вы взяли первую, но очень важную высоту — стали студентами Гуманитарного университета профсоюзов. От всей души поздравляю вас. Всю жизнь вы будете вспоминать студенческие годы, потому что за это время станете настоящими специалистами в тех областях, которые для себя избрали. Вас ждет много интересных событий, многие из них будут определять дальнейшее направление вашей жизни. Желаю вам взять максимум того, что может предложить вам Гуманитарный университет профсоюзов — а это, поверьте мне, немало. Успехов вам в учебе и будьте счастливы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ,

Почетный доктор СПбГУП, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

ЗАЧЕМ И КОМУ НУЖНА ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Представление гостя: **А. Д. Некипелов**

Сегодня у нас в гостях Александр Дмитриевич Некипелов — академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор. Несколько слов о нашем госте. Александр Дмитриевич родился в Москве. В 1973 году окончил экономический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по специальности «Политическая экономия». В том же году начал работать в Институте экономики мировой социалистической системы, который в дальнейшем был преобразован в Институт международных экономических и политических исследований. В

¹ Материалы опубликованы в сборнике «День знаний в Университете» (СПбГУП, 1 сентября 2014 г.).

1994–1995 годах Александр Дмитриевич был экспертом Комитета Государственной Думы по экономической политике и приватизации, активно участвовал в работе секции экономики Отделения общественных наук Российской академии наук. В 1998 году возглавил вышеназванный институт. В 2001-м Александр Дмитриевич был избран вице-президентом РАН и членом Президиума РАН. В данный момент работает директором Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Е. Г. Хольнова,
*заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор
экономических наук, профессор*

Дорогие друзья, для меня большая честь и радость выступить здесь перед вами в этот важный для нас всех день — 1 сентября. У каждого в памяти запечатлелись дни, когда мы пошли в первый класс и когда впервые переступили порог университета. С вашим замечательным вузом меня связывают давняя дружба и плодотворное сотрудничество. Я вижу, как преображается и расцветает ваш Университет, вы вправе гордиться тем, что учитесь здесь.

В своей профессиональной жизни мне довелось изучать экономику бывших социалистических стран, сотрудничество в рамках Совета экономической взаимопомощи, проблемы реформ как во всей группе постсоциалистических государств, так и, в частности, в нашей стране. К тому же меня не отпускал теоретический «заряд», который я получил еще во время учебы на экономическом факультете МГУ, так что я всегда старался заниматься и теоретическими исследованиями. И вот теперь — Московская школа экономики МГУ, которой в этом году исполнилось уже 10 лет. Это, в сущности,

факультет, ориентированный на глубокую теоретическую подготовку студентов.

Сегодня я хотел бы поделиться соображениями о том, что представляет собой экономическая теория, кому она нужна, с какими проблемами сталкивается и в каких областях искать их решения. Вы знаете, что экономическая наука сегодня — это чрезвычайно обширное поле. Есть дисциплины, в рамках которых изучаются различные сферы производства, науки, культуры, образования. Есть экономические науки, чей предмет — финансы, кредитная политика. Возникли новые дисциплины, например политическая экономика (в отличие от политической экономии, которая раньше рассматривалась в качестве общей экономической теории). Появились информационная экономика, физическая экономика и т. д. Причем экономическая наука сейчас достаточно тесно связана со смежными областями знаний, и поскольку она несколько раньше, чем эти области, испытала на себе широкое использование математических методов, то сегодня многие из инструментов, которые разрабатывались в рамках экономической науки, стали применяться в этих смежных областях. Это и конституционная экономика — на стыке экономики и права, и уже упомянутая политическая экономика, которая при исследовании политических процессов использует разработанный в рамках экономической науки инструментарий, и многие другие.

Что сегодня понимается под базовой, «чистой» экономической теорией? Прежде всего с этим термином ассоциируются два основных раздела науки — микро- и макроэкономика. В принципе, изучение этих разделов экономической теории необходимо для всякого грамотного специалиста. Ясно также, что экономическая теория является методологической основой более узких экономических дисциплин. В идеале все они должны опираться на теорию и конкретизировать знания в соответствующей области. Однако органическое единство всего поля экономической науки наблюдается очень редко, поскольку под влиянием развития самой экономики и других сфер жизни различные области науки развиваются неравномерно. Часто приходится решать проблемы

в тех или иных конкретных областях, не дожидаясь, пока под них будет подведена общая методологическая основа. И когда такая пестрота начинает нарастать, то любая наука, в том числе и экономическая, сталкивается с кризисом. В данном случае слово «кризис» не имеет отрицательного значения, а подразумевает, что общая парадигма, которая в нашем случае описывается экономической теорией, оказывается недостаточной для решения частных вопросов. И тогда, поскольку от проблем отмахнуться невозможно, соответствующая частная дисциплина начинает предлагать решения, выходящие за рамки мейнстрима.

Нарастание методологической разнородности в экономической науке порождает поиски, направленные на то, чтобы выйти за рамки старой парадигмы, расширить ее таким образом, чтобы уже на новом уровне более или менее воссоздать единство всего экономического знания. Процесс этот очень непростой и может затягиваться на десятилетия.

Я глубоко убежден, что в настоящее время экономическая наука в целом пребывает в состоянии кризиса, который, однако, возник не сегодня.

Конечно, особое внимание к состоянию экономической науки привлек мировой финансово-экономический кризис 2007–2010 годов. Выказывалось недовольство: как же так, экономическая наука оказалась неподготовленной к тяжелейшим процессам, которые охватили глобальную экономику. Королева Великобритании заявила, что экономическая наука показала свое банкротство перед лицом финансово-экономического кризиса. Экономисты отвечали, что наша наука не несет ответственности за то, что происходит, так же как физики не несут ответственности за природные катастрофы. Тем не менее было ясно, что финансово-экономический кризис высветил проблемы, назревшие в том числе и в науке, и поставил новые вопросы, прежде всего в части, касающейся финансовой сферы и ее роли в развитии экономики.

В последние десятилетия многим казалось, что новые условия, связанные с развитием коммуникационных технологий и математического аппарата, создали идеальные предпосылки для либерализации в финансовой сфере.

Начало активно развиваться математическое моделирование сложнейших финансовых инструментов, призванных удовлетворить спрос инвесторов с самым разным представлением о желательном сочетании риска и доходности. На этой базе сформировалось новое мощное прикладное научное направление — финансовая инженерия, продукты которой — и это самое главное! — стали активно применяться на практике.

Джеймс Гэлбрейт, сын выдающегося американского экономиста Джона Гэлбрейта и сам известный экономист, являющийся одним из лидеров левоцентристского направления современной американской экономической науки, дал остроумное объяснение глубочайшего финансового кризиса. По его словам, экономика стольких стран столкнулась с проблемами, потому что на Уолл-стрит приехали физики и математики из России, придумали невероятные финансово-экономические модели — и вот, пожалуйста, результат их внедрения на практике. Это, конечно, шутка, но известно, что в любой шутке всегда есть доля правды. В данном случае эта доля правды заключается в обстоятельстве, на которое в свое время обращал внимание Джон Мейнард Кейнс.

Вы наверняка знаете, что он был успешным игроком на фондовом рынке, сколотил таким образом собственное состояние и заработал деньги для Королевского колледжа в Кембридже, в котором преподавал. Кстати, в этом колледже стоит памятник Кейнсу — не только в знак признания его достижений в экономической науке, но и в благодарность за материальный вклад в развитие учебного заведения. При этом Джон Мейнард Кейнс был крайне невысокого мнения о роли фондового рынка в рыночной экономике. Он открыто говорил, что это ошибка — воспринимать фондовый рынок как идеальный барометр экономического развития, показывающий, в какие области надо направлять ресурсы. Представьте себе, говорил Кейнс, конкурс красоты: группа людей высказывает свое субъективное мнение, и большинством определяется, какая из девушек самая красивая.

А теперь представьте, что параллельно проводится еще один конкурс — между теми, кто попытается угадать, какая из участниц будет выбрана в качестве первой красавицы. Что произойдет в этом случае? Каждый из участников второго конкурса будет думать не о том, какая девушка больше всего нравится ему лично, а о том, что думают члены жюри, выбирающие победительницу. Соответственно результат будет не таким, каким был бы, если бы каждый действовал так же, как члены первого жюри, то есть выбирал наиболее красивую претендентку. Так и на фондовом рынке: инвестор вкладывает деньги не потому, что считает данный вид деятельности потенциально наиболее эффективным. Он инвестирует на основе своих оценок того, куда будут вкладывать свои средства другие участники рынка. Он знает, что акции тех предприятий, в которые станут вкладывать деньги другие инвесторы, будут расти. Поэтому независимо от того, соответствует ли это базовым экономическим показателям определенных видов деятельности, инвестировать нужно именно туда, где можно выиграть на росте котировок акций. Таким образом, решения, к которым приводит фондовый рынок, могут значительно отклоняться от оптимальных.

Когда Джеймс Гэлбрейт говорил о роли математиков и физиков, то, в сущности, он имел в виду, что представители естественных наук не всегда достаточно хорошо понимают особенности объекта, которым заняты экономисты. Они полагают, что тот комплекс информации, который дают, например, фондовые рынки, не менее объективен, чем информация в естественно-научной сфере. Они недооценивают то обстоятельство, что в экономике действуют одушевленные субъекты со своими представлениями и интересами, способные оценивать, и не всегда правильно, действия других людей. Поэтому совершенные с математической точки зрения конструкции часто приводят к возрастанию рисков, а не к снижению, на что, собственно, они и направлены. В частности, «деривативы» (производные финансовые инструменты), по замыслу, призваны помочь инвестору добиться оптимальных для него соотношений риска и доходности. Но оказалось, что в разных слоях

этих сложных «финансовых бутербродов» могут накапливаться искажения, подобные тем, на которые указывал Дж. М. Кейнс. И при определенных условиях накопление таких искажений, как мы увидели, может приводить к жесточайшим кризисам, подобным тому, с которым недавно столкнулась глобальная экономика.

Финансовые неурядицы, с которыми столкнулась экономика в последние годы, несомненно, дали толчок широким дискуссиям по поводу того, что представляет собой экономическая наука сегодня. Но к ним отнюдь не сводится рассматриваемая нами проблема.

Может показаться странным, но одним из важнейших проявлений кризиса экономической теории является ее разделение на микро- и макроэкономику. Оба эти раздела весьма уважаемы, выдающиеся ученые работают и будут продолжать работать по обоим направлениям. Но если вы обратитесь к истории экономических учений, то обнаружите, что макроэкономика как раздел экономической науки существует сравнительно недавно и ее появление связано с тем же Джоном Мэйнардом Кейнсом. Она возникла как реакция на кризис мировой экономики 1929–1933 годов. До того кризиса считалось, что в рыночной экономике ничего подобного быть не может, потому что действует мощный механизм саморегулирования: при избыточном предложении цены падают, при высоком спросе — растут. И этот механизм, как в системе сообщающихся сосудов, все время выравнивает ситуацию и обеспечивает поддержание равновесия. Поэтому невозможна, например, вынужденная безработица: человек не может не найти работу, просто ему придется согласиться на более низкую заработную плату. Но 1929–1933 годы показали, что все совершенно не так. Оказывается, вынужденная безработица может приобретать огромные масштабы и представлять для всей системы угрозу — не только экономическую, но и политическую. Поэтому у Кейнса безработица вышла на первый план, а экономическая теория, уже в рамках макроэкономики, начала оперировать агрегированными величинами,

такими как валовой внутренний продукт, инфляция, дефляция, занятость, производство, внешние связи и т. д.

Экономика стала рассматриваться с новых позиций. Динамика валового внутреннего продукта теперь ассоциируется с показателем успеха или неуспеха. Высокие темпы роста — все хорошо, низкие — плохо. И тут выяснилось нечто очень интересное. Отталкиваясь от «запросов времени», макроэкономика незаметно «сползла» на иные, подчас даже противоположные методологические основания, чем микроэкономика, которая в некотором смысле остается продолжателем классических традиций. Уже в первых разделах микроэкономики, посвященных вопросам потребительского выбора, говорится об индивидуальном характере представлений людей о благосостоянии и связанном с этим запрете на сопоставление уровней индивидуальной полезности. Но ведь суммирование доходов населения является одним из способов определения ВВП, который рассматривается в макроэкономике как показатель общего благосостояния. Тем самым прямо нарушается аксиоматика, которая используется в микроэкономике.

Есть и другие несоответствия. Например, мы часто пользуемся таким понятием, как инфляция, а сейчас внимание привлекает и противоположное явление — дефляция. Но инфляция — показатель, который не имеет однозначного выражения, потому что динамика уровня цен зависит от того, какую базовую корзину товаров вы используете для расчетов. Если вы берете, допустим, розничный товароборот прошлого года, то получаете один показатель инфляции, если розничный товароборот текущего года, то другой. Возникает серьезная, в некотором смысле неразрешимая методологическая проблема.

Еще один пример, имеющий существенное, может быть даже ключевое, значение. В экономической теории подробно разработана проблематика индивидуальных предпочтений, на ее основе сформулирована стройная модель потребительского выбора. Однако до сих пор остается почти что «тайной за семью печатями» проблема социального, то есть группового выбора. И это при

том, что за исследования в этой области было присвоено, по меньшей мере, три Нобелевские премии.

Сама проблема оказалась в центре внимания после того, как Кеннет Эрроу доказал чисто математическую «теорему о возможности» (ее часто называют «теоремой о невозможности»). Возьмем некоторую группу людей. Каждый ее член, естественно, обладает собственной системой предпочтений, в том числе касающихся самых разных состояний группы. Возникает вопрос: существует ли такое правило социального выбора, которое позволяет перейти от индивидуальных предпочтений к системе предпочтений группы в целом? Чтобы ответить на него К. Эрроу ввел ряд естественных предположений относительно того, какими свойствами должна обладать система групповых предпочтений. И после этого доказал упомянутую теорему, которая гласит, что перейти от индивидуальных предпочтений членов группы к предпочтениям группы в целом можно только в том случае, если в группе имеется «диктатор», то есть такой человек, предпочтения которого автоматически становятся предпочтениями всей группы. К. Эрроу был поражен этим выводом. В своей нобелевской лекции он даже выразил надежду, что экономическая наука в конечном счете каким-то образом выберется из тупика, в который он ее «завел». До сих пор этого не произошло, хотя в данной области ведутся интенсивные исследования, уже есть много наработок. Поверьте мне на слово: эта проблематика имеет особое значение, в том числе и в связи с усилением роли глобальных проблем, которые затрагивают огромные группы людей, человечество в целом.

Наконец, последнее, о чем мне хотелось бы сказать сегодня. Микроэкономическая теория в наибольшей степени подходит под определение чистой экономической теории. Она строится на аксиоматической основе. В ней есть аксиомы, касающиеся индивидуальных предпочтений, производственного процесса и т. д. Отталкиваясь от них, с помощью дедуктивного метода микроэкономика приводит нас к определенным выводам, достоверность которых можно проверить путем их непосредственного сопоставления с

процессами, происходящими в реальной экономике. Если случится, что полученные таким образом выводы не согласуются с действительностью, то надо отталкиваться от иных аксиом.

Но и микроэкономическая теория имеет слабые стороны. Дело в том, что она традиционно делает упор на анализ функциональных связей в экономике. Последние, конечно, весьма значимы: разве не важно знать, например, как реагирует цена на изменение спроса и предложения? Но фактически игнорируя «генетические» связи в системе экономических категорий, микроэкономика неизбежно попадает в так называемые «тавтологические круги». Их суть состоит в том, что через одни неопределенные понятия приходится определять другие. Содержательная часть учебников микроэкономики, как правило, начинается с проблемы потребительского выбора. В чем она заключается? Есть потребитель, он имеет некий доход. Есть рынок, где формируются цены на потребительские товары. У потребителя есть определенные предпочтения. Спрашивается: какой набор товаров при заданных условиях должен приобрести потребитель, чтобы максимизировать степень собственного благосостояния? Задача важная, и она красиво решается. Но откуда в самом начале курса нам известно, что такое рынок, цены и доходы, откуда они взялись? Рассматривается проблематика фирм — то же самое: для нахождения оптимальных условий максимизации экономической прибыли активно используются понятия «процентная ставка», «альтернативные (экономические) издержки» при том, что ранее о них никакой речи не было.

Возникает вопрос: можно ли, отталкиваясь от какой-то предельно простой модели, используя ограниченный набор гипотез (аксиом) и применяя дедуктивный метод, создать приемлемый интеллектуальный макет экономической системы, не только смоделировав функциональные зависимости между лежащими на поверхности явлениями, но и определив логическую взаимоувязанность ее важнейших элементов? Мне кажется, без решения этой задачи кризис экономической теории преодолеть невозможно.

Последние 10 лет в Московской школе экономики МГУ я читаю курс, пытаюсь отталкиваться от модели, проще которой ничего нельзя придумать, — от «модели робинзонады». Эта модель известна давно, она часто используется в экономической теории, как правило, для решения каких-то частных вопросов. Но, как мне кажется, если отталкиваться от нее при построении целостной экономической теории, то многое проясняется. Выводимые на основе анализа этой модели категории представляют собой своего рода зародыши, которые в «свернутом виде» отражают многие развитые явления современной экономической действительности. Чтобы удостовериться в этом, нужно, конечно, пройти немалый путь. Введение в анализ второго экономического субъекта — «пятницы» — позволяет вскрыть причины возникновения института обмена и разделения труда, а также раскрыть содержание целого «веера» связанных с ними категорий, и т. д., и т. п.

Не буду пересказывать весь курс лекций. Желающие познакомиться с этим подходом подробнее могут обратиться к моей монографии «Становление и функционирование экономических институтов. От “робинзонады” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве» (М.: Экономистъ, 2006). Скажу лишь, что постепенное усложнение объекта исследования все более приближает нас к получению упорядоченного представления о современной экономической системе.

Завершая свое выступление, хотел бы сказать следующее. Я видел свою задачу в том, чтобы попытаться убедить вас в нескольких вещах. Во-первых, в том, что экономическая теория — это живая, необыкновенно интересная сфера приложения усилий. Во-вторых, несмотря на оперирование в большинстве случаев абстрактными категориями, экономическая теория имеет огромное практическое значение. Ведь без целостного представления об экономической действительности не стоит и мечтать о разумном влиянии на нее методами хозяйственной политики. И, наконец, в-третьих, совсем необязательно становиться теоретиком, но любой грамотный экономист должен владеть основами экономической теории. Получив благодаря ей целостное видение

того, как функционирует экономическая система, он наверняка добьется больших успехов и в избранной сфере деятельности.

Вопросы и ответы

Г. Ф. ФЕЙГИН, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук: — *Александр Дмитриевич, Вы упомянули микро- и макроэкономику. Но сейчас развиваются и другие направления — институциональная экономика, новая политическая экономия, новая экономическая география и др. То есть налицо множественность доктрин. Следует ли воспринимать это как позитивные или негативные тенденции, и в каком направлении будет дальше двигаться экономическая наука? Будет ли расширяться множественность или, напротив, происходит синтез?*

И второй вопрос. Очевидно, что в современной экономической теории очень сильно эмпирическое направление, построение эконометрических моделей. Чем обусловлена эта тенденция, и каковы ее перспективы?

— Спасибо большое, Григорий Феликсович. Очень важные вопросы.

Действительно, сегодня наблюдается очень широкая дифференциация экономических дисциплин, пестрота методологических подходов. Что-то удается интегрировать в так называемый мейнстрим, например значительную часть новой институциональной экономики. Информационная экономика, пространственная экономика также частично интегрируются. Но где-то сохраняются нестыковки, о которых я говорил. На мой взгляд, они свидетельствуют о кризисе в экономической науке. Еще раз подчеркиваю, кризис означает не что-то плохое, а просто такое состояние, когда отсутствует целостность различных элементов некой системы, в данном случае — системы экономических наук.

Что касается второго вопроса, то чрезмерное увлечение эконометрическими исследованиями также свидетельствует о кризисе экономической науки. Есть очень уважаемые ученые, которые полагают, что

надо вообще отказаться от претензии на единую экономическую теорию. Поскольку в разных регионах и странах складываются очень разные экономические модели, то, говорят они, целесообразно ограничиться каким-то минимальным объемом общих теоретических, наиболее очевидных положений. И дополнять их социологическими и эконометрическими исследованиями конкретных хозяйственных объектов. Понятно, что применение соответствующих методов в разных случаях будет давать разные результаты, так что невозможно вести речь о единой теории. На ее место приходит применение единых методов. На мой взгляд, нет ничего плохого в объединении экономических исследований с социологическими, с широким применением эконометрических методов. Но не следует надеяться, что таким образом можно вообще найти замену полноценной экономической теории. Такие взгляды, по моему мнению, сами являются проявлением кризиса экономической науки.

Что касается эконометрических исследований и вообще применения математических методов, то ситуация, с моей точки зрения, сейчас такова. Конечно, ученому-экономисту необходимы математические и эконометрические навыки. Но в то же время существует и та опасность, о которой вы сказали. Мы видим много исследований, где изысканные математические методы используются для демонстрации и без того очевидных выводов. Это производит неприятное впечатление. Когда это делают студенты в курсовых работах — хорошо, они овладевают нужным инструментарием. Но когда ученые начинают публиковать статьи, пекут их как блины, потому что хорошо владеют математическим инструментом и применяют его к любой области исследований, — это смешно и грустно.